

Дюмезиль Ж.

**Осетинский эпос и
мифология**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-34
ББК 82
Д96

Д96 **Дюмезиль Ж.**
Осетинский эпос и мифология / Дюмезиль Ж. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 278 с.

ISBN 978-5-458-24677-4

В настоящей книге собраны в русском переводе исследования выдающегося французского ученого Жоржа Дюмезиля (Georges Dumézil), посвященные осетинскому народовскому эпосу и осетинской мифологии. Из работ о народовском эпосе в данный сборник не вошла только статья *L'épopée Narte*, опубликованная в журнале «*La Table Ronde*» (Paris, 132). Основные положения этой статьи читатель найдет в других исследованиях Дюмезиля, вошедших в настоящую книгу. Сборник носит тематический характер. Поэтому некоторые статьи и главы из работ ученого даются не целиком, а в извлечениях. Все, что не имеет прямого отношения к осетинскому эпосу и мифологии, опускается. Мелкие купюры помечены отточием в скобках, более крупные оговариваются в сносках. Библиографические ссылки воспроизводятся в том виде, как они даны в оригинале. Указатель выполнен переводчицей.

ISBN 978-5-458-24677-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Выпускаемая Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока» призвана знакомить читателей с богатейшим устным творчеством народов Азии, Африки и Океании. В ней публикуются монографические и коллективные труды, посвященные разным аспектам изучения фольклора и мифологии народов Востока, включая анализ некоторых памятников древних и средневековых литератур, возникших при непосредственном взаимодействии с устной словесностью. Значительное место среди изданий серии занимают работы сравнительно-типологического и чисто теоретического характера, в которых важные проблемы фольклористики ставятся не только на восточном материале, но и с привлечением повествовательного искусства других регионов.

Книги, ранее изданные в серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока»:

В. Я. Пропп, Морфология сказки, 1969 г.

Г. Л. Пермяков, От поговорки до сказки [Заметки по общей теории клише], 1970 г.

Б. Л. Рифтин, Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии «Троецарствия»), 1970 г.

Е. А. Костюхин, Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции, 1972 г.

Н. Рошияну, Традиционные формулы сказки, 1974 г.

П. А. Гринцер, Древнеиндийский эпос. Генезис и типология, 1974 г.

«Типологические исследования по фольклору». Сб. статей

памяти В. Я. Проппа (1895—1970). Сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, 1975 г.

Е. С. Котляр, Миф и сказка Африки, 1975 г.

С. Л. Невелева, Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон), 1975 г.

Е. М. Мелетинский, Поэтика мифа, 1976 г.

В. Я. Пропп, Фольклор и действительность. Избранные статьи, 1976 г.

Готовятся к изданию:

Е. Б. Вирсалаадзе, Грузинский охотничий миф и поэзия.

Паремиологический сборник. Пословица, загадка (структура, смысл, текст).

О. М. Фрейденберг, Миф и литература древности.

ОТ РЕДАКТОРА

В настоящей книге собраны в русском переводе исследования выдающегося французского ученого Жоржа Дюмезиля (Georges Dumézil), посвященные осетинскому нартовскому эпосу и осетинской мифологии. Из работ о нартовском эпосе в данный сборник не вошла только статья *L'épopée Nar-te*, опубликованная в журнале *«La Table Ronde»* (Paris, № 132). Основные положения этой статьи читатель найдет в других исследованиях Дюмезиля, вошедших в настоящую книгу.

Сборник носит тематический характер. Поэтому некоторые статьи и главы из работ ученого даются не целиком, а в извлечениях. Все, что не имеет прямого отношения к осетинскому эпосу и мифологии, опускается. Мелкие купюры помечены отточием в скобках, более крупные оговариваются в сносках. Библиографические отсылки воспроизводятся в том виде, как они даны в оригинале. Указатель выполнен переводчицей.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К «КНИГЕ О ГЕРОЯХ»

*«Le livre des Héros. Légendes sur les Nartes»,
Paris, 1965.*

На северных склонах Кавказской гряды, в плодородных или песчаных долинах, прилегающих к ней со стороны Европы, на узкой, покрытой пышной растительностью прибрежной полосе, отделяющей горы от Черного моря, в теснинах и ущельях, по которым мчатся воды Кубани, Терека и более мелких рек, разместилась интереснейшая мозаика народов Старого света. Одни из этих народов уже жили здесь во времена, о которых свидетельствуют древние греческие и римские авторы, другие были оттеснены с севера бесчисленными нашествиями, устремлявшимися из Азии в сторону Атлантики; третьи сами явились дерзкими головными отрядами некоторых из этих нашествий; оказавшись отрезанными от основной массы, эти пришельцы привязывались к завоеванному краю и приживались на кавказской почве, привлеченные ее удивительными пейзажами, климатом и людьми. В этом — другая особенность северокавказцев: несмотря на различие в происхождении, несмотря на соперничество, на внутренние и межплеменные распри, которые так помогли русскому завоеванию, но и прекратились лишь после него, здесь сложился свой тип материальной и духовной культуры, тип, хоть и не одинаковый для всех — он имеет множество вариаций, — но очень своеобразный по сравнению с южными и северными соседями Кавказа.

Вплоть до прошлого столетия и даже позже социальное устройство здесь было феодальным и патриархальным (...) Набеги, шумная непоседливость не сходящей с коней молодежи, смертельные опасности, в обстановке которых привыкли жить эти села, мораль, основанная на богатых древних традициях и поддерживаемая песнями, хвалебными и насмешливыми, постоянно порождали дух геройства, возведенное в доктрину презрение к смерти, побуждали к исключительным и парадоксальным поступкам. Все это в сочетании с экономическими условиями приводило к тому, что уважение приоб-

реталось отнюдь не показным или постоянным богатством; устройство празднеств, многолюдных пиров, ежечасная готовность к гостеприимству, безудержная и безграничная щедрость, храбрость в бою и красноречие — вот что возвышало людей, все богатство которых заключалось в прекрасном оружии и добрых конях. Пока Кавказ был обособлен, словно не-приступная твердыня, этот довольно последовательно проводимый в жизнь идеал мог держаться, поскольку анархия принималась за независимость. Но иллюзия быстро рассеялась, когда великая северная империя решилась на завоевание: за треть столетия не покорившиеся без борьбы кавказские общества сумели доказать лишь свою отчаянную храбрость и свой безнадежный анахронизм. Надо ли говорить, что для ученого, а не политика сам этот анахронизм со всеми ценностями, которые он сберег живыми — а вне Кавказа можно найти лишь их искаженное отображение в книгах, — чудесно притягателен? И этим гораздо больше, чем величием природы, объясняется то завораживающее воздействие, которое Кавказ оказывал на самых выдающихся и самых впечатлительных русских людей.

В центре хребта, на север и запад от того ущелья, где русские проложили знаменитую Военно-Грузинскую дорогу, живет народ, которому исторические изыскания вот уже более трех четвертей века отводят роль, значительно превосходящую его нынешнюю небольшую численность, — осетины. До появления казацких станиц осетины в отличие от соседей — черкесов, чеченцев, дагестанцев, грузин — были единственным во всей мозаике индоевропейским народом, к тому же весьма своеобразным. Последний осколок обширной группы племен, которых Геродот и другие историки и географы древности обобщенно называли скифами и сарматами и которые в воевороте великих нашествий, под различными именами, в частности алан и роксолан, прошли по всей Европе, оставив свой след и как бы свою подпись даже во Франции в наших различных «*Sermaize*» — *Sarmaticum*¹. Все эти людские массы, неустанно бороздившие степь и ее окраины от Средней Азии до Дуная, в конце концов исчезли, поглощенные славянскими, венгерскими, тюркскими образованиями. И только потомки алан, проявив большую жизнестойкость, сохранили речь, происхождение которой легко объяснимо. В ней явно распознаются черты скифского языка — северного, рано обособившегося брата классических иранских языков. Отсюда

¹ Имеются в виду географические названия во Франции, см., напр.: *Sermaize-les-Bains* (прим. пер.).

понятен растущий интерес к осетинам, проявляемый с конца XIX в. лингвистами, историками, социологами, фольклористами и всеми, кто с какой-либо точки зрения изучает всё индоевропейское. Самую прославленную часть осетинских преданий по праву составляют сказания о Нартах.

Эпические герои — Нарты известны не одним осетинам. Их соседи чеченцы и ингушки, все северо-западные кавказцы (черкесы, убыхи, абхазцы, горские татары², в меньшей степени кумыки на северо-востоке) тоже рассказывают интересные варианты «нартовского цикла». Но есть много оснований полагать, что, как и название «Нарт», которое так или иначе происходит от индоиранского названия героического мужа *nar*, представление о Нартах и главнейшие персонажи, воплощающие это представление, родились в Осетии, а потом уже были восприняты соседними народами, зачастую переосмыслены, а порой даже получили новую жизнь или обогатились новыми чертами. Кое-какие указания на связи между разными версиями нартовского эпоса — а его сравнительное изучение только началось — будут даны в примечаниях к этой книге, однако наше исследование ограничивается Осетией.

Следует добавить, что собирать эпос начали именно в Осетии сразу же после покорения Кавказа, да и впоследствии здесь всегда были люди, следившие за этим. Но вот уже лет двадцать, как разработка ведется методически и исчерпывающе совместными усилиями осетинских ученых и их русских коллег. Мною переведена большая часть сборника, представляющего коллективный труд, опубликованный в Дзауджикау, т. е. в Орджоникидзе, в бывшем Владикавказе, в 1946 г.: в форме, которая отныне стала канонической, нам преподносятся итоги этой огромной исследовательской работы, не прерывавшейся даже в суровые дни второй мировой войны.

Осетины представляют себе этих героев седой старины существами сверхъестественными (один появился на свет из камня, у другого — стальное тело, в промежутках между подвигами он удаляется на небо) и в то же время горцами на свой лад, сохранившими некоторые скифские черты, утраченные их потомками. Вот один из самых примечательных пережитков. Представляется, что Нарты живут в селении на склоне горы, разбитом на три квартала, расположенных на трех уровнях, каждый из которых занят одним из трех основ-

² Черкесами автор по старой традиции называет обобщенно все адыгские народы, а под горскими татарами подразумеваются балкарцы и карачаевцы (прим. пер.).

ных родов: наверху живут Ахсартагката (*-тæ* — суффикс множественного числа), в самом низу — Бората, а посередине — Алагата. Так вот, осетинский фольклор сохранил нам отличительное определение различий каждого из трех родов: «Бората,— говорится в тексте, опубликованном в 1925 г. М. С. Тугановым³,— были богаты скотом; Алагата были сильны умом; Ахсартагката отличались храбростью, были сильны людьми». Здесь мы сразу же распознаем индоиранскую концепцию, согласно которой любое благоустроенное общество должно объединять — в жизни в виде сословий, здесь, по-сказочному, в виде родов — три группы людей, несущих соответственно три основные функции: мудрость (т. е. магически-религиозные познания, по представлениям древних, — источник всех прочих знаний), физическую силу (в основном — ратную), экономическое благоденствие — то, что Индия утвердила в системе деления на варны: брахманы, или жрецы, кшатрии, или воины, вайши, или скотоводы и земледельцы. В предлагаемых читателю сказаниях три рода все еще довольно точно соответствуют этой характеристике. Хотя, даже повествуя о военных походах, сказители привычно упоминают «три рода» (*æртæ Нарты*, три группы Нартов), тем не менее все великие рубаки принадлежат к Ахсартагката, которых хорошо определяет Сафа⁴: «О Ахсартагката — большой и сильный род, ничего он не страшится, синим огнем пылает в жажде боя». В отличие от них Бората, и главный в их роду — Бурафарныг, — это прежде всего богачи, наделенные отрицательными качествами — жадностью, глупым тщеславием, подлостью, т. е. чертами, которые этика героизма охотно связывает с богатством. Что касается представителей Алагата, то они упоминаются лишь при одном обстоятельстве, которое сейчас уже не имеет отношения к мудрости, но должно быть перенесено в религиозные рамки язычества: в доме Алагата происходят чудеса с хранившейся у них волшебной чашей Уацамонга, или Нартамонга («указующей Нарта»).

Не считая этой скифской, индоиранской черты, нартовское село, его люди и предметы ничем не отличаются от старой осетинской деревни: здесь мы находим знать, свободных племе-бев, рабов; в различных вариантах сказаний действует Сыр-дон — незаконнорожденный, один из тех сыновей, которых осетинская знать сплошь и рядом приживала со своими служанками и которые имели особый статут и любопытное на-

³ М. С. Туганов, Кто такие нарты? — ИОНИК, I, Владикавказ, 1925, стр. 373.

⁴ См. ниже (прим. пер.).

звание *кæвдæсард* («рожденный в яслях»). Женщины, чаще всего молодые снохи, ведут себя чисто по-кавказски. Строго определенные взаимоотношения между старшими и младшими также соответствуют современной практике. Что касается жилищ Нартов — то это осетинские замкнутые дворы, с домом, отдельным помещением для гостей, конюшней, хлевом и, конечно же, башней; башни эти возвышались над каждым аулом, от грузинской Сванетии и до Чечни, как бы оповещая путника о том, что война здесь лишь притаилась, но не дремлет.

Нарты собираются, стихийно или по призыву глашатая, на большой площади — *ныхасе*, чье название говорит само за себя *ныхас* означает «слово», «речь», ибо всякий порядочный кавказец столь же красноречив, сколь и чувствителен к красноречию. В деревне имеется площадь Дележа, где распределяется добро, добытое в набегах, и площадь Игр, где готовятся герои будущих битв. Упоминается также гора, на которой говорят только правду, и еще гора Молитв, но здесь наши сказания приукрашивают действительность.

Нартовский эпос погружен в мир полурелигиозных-полуфольклорных верований, в котором осетины жили еще в начале XX в. За мусульманством одних и православием других распознаются древнейшие пережитки язычества, следы византийского христианства, принесенного средневековой Грузией и вскоре утраченного и как церковь и как учение, а также своего рода вторичного язычества, образовавшегося в период между крахом Византии и сравнительно недавним наступлением двух великих религий. Бог, Хуцау, — это и Аллах, и христианский бог, единный бог, который носит также примечательное название *Хуыцæутты Хуыцау* («Бог богов»). Небо, земля, потусторонний мир населены множеством существ, которые, просят их о том или нет, гораздо чаще самого бога вмешиваются в жизнь людей. (...) Встречаются и другие наименования, в частности *зэды* и *дуаги*: не легко, а может быть, и не нужно разбирать, в чем их различие; *зэд* — старинное индоиранское слово, обозначающее все, чему следует приносить жертвы, по-видимому, более обобщенное название разнообразных и разного назначения сверхъестественных существ; *дуаг* же, или *дауæг*, — слово пока неясное, несмотря на четыре недавние попытки этимологического толкования; оно означает скорее покровителей той или иной области природного мира (...) Но если эта разница и существовала в сознании сказителей, четкой она не была.

Некоторые из сверхъестественных существ — настоящие мифологические образы. Это двое: Уацилла и Уастырджи,

носящие имена византийских святых Ильи и Георгия с одной и той же приставкой *уац*. Первый — страшный громовержец, повелитель бурь, покровитель земледелия; второй — покровитель мужчин, путников, именно в его присутствии произносится наибольшее число правовых клятв. Им приписывается много приключений, и с обоими связаны обряды. Иногда говорится во множественном числе Уастырджита и Уациллата, что, по крайней мере в переведенных мною текстах, означает не более как «род Уастырджы» или «род Уацилла», так же как Бората или Алагата означают соответственно «род Алага» и «род Бора», поскольку, подобно людям, небожители стоят во главе множества родичей и домочадцев.

Одним из главных благодетелей села считается Сафа. Он дух цепи домашнего очага (*рәхъис*), давший людям первый ее образец, и она играет большую роль в общественной и семейной жизни: еще в середине прошлого века родители, укладывая ребенка спать, поручали его покровительству Сафы, держа одну руку на детской головке, а другую — на цепи очага. И в других случаях самые торжественные клятвы произносили, держась за цепь: во время свадьбы перед уходом невесты из родительского дома шафер трижды обводил ее вокруг очага и в знак прощания давал ей коснуться цепи, затем в доме мужа таким же образом снова поручал ее покровительству Сафы.

Кузнец Курдалагон, горн которого находится на небе, — друг Нартов: он приходит к ним в гости и, подобно дельцу, заботящемуся о своем деле, принимает от них заказы. В наших историях на нем прежде всего лежит своеобразная обязанность раскалять добела героев с металлическим телом и затем погружать их для закалки в воды моря или в иную, более диковинную жидкость.

Тутыр, обязанный своим именем Святому Теодору, — повелитель волков; он им чаще всего дает волю, но иногда и сдерживает и морит голодом, заталкивая им в пасть увесистые камни. По роду своих обязанностей он часто не в ладах с покровителем овец Фалварой (имя которого происходит от пары святых Флора и Лавра). Последний обладает ангельским терпением. Он даже окривел от удара, однажды нанесенного Тутыром. Но, подобно Ликургу из спартанской легенды, ослепленному юным Алькандром (Плутарх, Лик., 11), сохранил спокойствие и не дал другим небожителям наказать обидчика.

Афсати — владыка диких животных, в частности оленей, кабанов и горных косуль; охотники, естественно, ублажают

его перед выходом жертвенными хлебами, ибо удача их все-цело зависит от его благоволения; однако он требует, чтобы тот, кому на охоте оказано покровительство, щедро накормил бы затем бедняков деревни, иначе следующая вылазка в лес будет бесплодной.

Донбеттыр живет в морских глубинах, под водой, которой он повелевает и название которой содержит в своем имени (*дон*), подобно тому как на наших картах этот элемент содержит названия рек, впадающих в Черное море: Дунай, Дон, Днепр, Днестр. Второй элемент его имени происходит, однако, из раннехристианского пласта *Petros*, т. е. «водяной Петр». Говорят, что он держит цепь, которой притягивает запоздалых купальщиков, однако к Нартам он постоянно благоволит: события наших сказаний приводят к тому, что он становится тестем, а затем — дедом самых выдающихся героев, ибо у него есть дочери, прекрасные дочери, которых сравнивали с русалками у славян. Происхождение свое они ведут, вероятно, от той нимфы — дочери реки Борисфена, с которой, по рассказу Геродота (IV, 5), Зевс породил праотца скифов. Еще в прошлом веке ежегодно в первую субботу после пасхи девушки отправляли изящный кульп дочерей Донбеттыра, обеспечивая своим домам и коношням все блага, которые таит в себе могучая стихия вод.

Хуандон-алдар — вождь, «глава» рыб (*кæфты сær*) — тип оригинальный, лишь недавно проясненный В. И. Абаевым⁵. Конечно, это дух и великий чародей, и тем не менее на земле у него есть вотчина, где он ведет себя как алдар, земной вождь. Имя его означает «Владыка пролива», и, как дает основание полагать Абаев, речь идет о «рыбном проливе», Киммерийском Боспоре: разве в скифском названии крупного города на этом проливе «Пантиканей» (нынешняя Керчь) не содержится и «дорога» (*panti*), и «рыба» (*kara*)? Возможно, стало быть, что Хуандон-алдар — мифологическое отображение древних властителей этих мест.

Таковы первостепенные «небожители и духи». Следует прибавить к этому мир мертвых, замкнутый мир, который изображается очень подробно; там царит Баастыр (*Baga-styr*) — одновременно и судья и тюремщик, а для невинных и угнетенных — гостеприимный хозяин; у Баастыра есть страж Аминон (*Amupon*) — страж ворот; мы встречаем его лишь при обстоятельствах, когда перед ним возникают вопросы совести: речь идет о путешествии нескольких живых смельча-

⁵ «Παντικάπαιον» — сб. «*Studia in Honorem acad. D. Dečev*», София, 1958, стр. 183—189.